**ОЦЕНОЧНЫЕ ФРАГМЕНТЫ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ЗООНИМНЫХ
КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Щербачук Л. Ф.

*Институт филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», Симферополь
E-mail: lidiya_shch1@mail.ru*

Статья посвящена характеристике зоонимных компаративных фразеологических единиц русского и польского языков в качестве репрезентантов отдельных фрагментов славянской языковой картины мира в аксиологическом аспекте. В результате анализа охарактеризована структура фразеологических компаративов, выявлены семантические и аксиологические особенности зоонимного компонентного состава исследуемых фразеологизмов, латентные особенности воплощения в них культурных доминант. Зоонимные компаративные фразеологизмы в работе рассматриваются как средство реализации категории анималистического сравнения с точки зрения аксиологии и как этнокультурный текст, который истолковывается при помощи культурных смыслов, заложенных в семантике фразеологизмов, их внутренней форме, компонентном составе. В исследовании определяются мотивы сравнения в семантической структуре русской и польской зоонимной компаративной фразеологии. Среди эталонов сравнения выделены соотносимые с ними компоненты-зоонимы, номинирующие домашних и диких животных. Материал исследования подтверждает, что компонентный состав зоонимных компаративных фразеологизмов отличается высокой степенью выявления оценного признака. Аксиологическая составляющая семантической структуры зоонимных компонентов фразеологических единиц обусловлена как национально-культурными, психологическими, физиологическими факторами, так и идеологическими причинами и может приобретать положительные или отрицательные коннотации в процессе своего функционирования в национальных языковых картинах мира.

Ключевые слова: славянская языковая картина мира, аксиологический аспект, зоонимный компаративный фразеологизм, анималистическое сравнение, оценка, образ-эталон.

ВВЕДЕНИЕ

Разноаспектное исследование языковых средств оценки объектов номинации – одна из актуальных проблем современной лингвистики. Особенно важным исследователи определяют описание природы и статуса оценки в семантической структуре знаков вторичной номинации, которыми являются фразеологические единицы как в узком, так и в широком понимании данного термина. Изучение компонентного состава фразеологизмов в национальных языковых картинах мира приобретает всё большую актуальность по той причине, что он является носителем информативности и наделён определённым образом культурно-национальным потенциалом, который пребывает во фразеологической единице в основном в латентном состоянии. Несомненно информативными, по мнению многих учёных, в составе фразеологических единиц есть имена собственные, названия растений и животных и т.д.

Одним из видов познания человеком действительности, его интеллектуальной деятельности и средством языковой номинации окружающего мира издавна является сравнение. Безусловно, зоонимные компаративные фразеологические единицы (далее –

ЗКФЕ) являются обширным пластом любого языка, потому что через сравнение *homo sariens* постигал окружающий его мир и самого себя. Номинируя неизвестные или малоизвестные субъекты, объекты, явления, *homo lingualis* неизменно соотносил их в своём сознании со схожим объектом, окружавшим его животным миром, природным явлением и воплощал в номинативный знак – известную модель-компаратив. ЗКФЕ, таким образом, представляют большой интерес для исследователей – лингвистов, культурологов, психологов и т. д., так как они наиболее ярко отражают национальную самобытность языка сквозь призму оценочных образов-эталонов животных, характерных для определённой лингвокультурной общности. Семантика и оценка, закодированная в структуре ЗКФЕ, отражает особенности мировосприятия народа, систему его ценностей. По мнению В. А. Масловой, «в этой связи культурные ценности играют координирующую, регулирующую роль. Благодаря им, человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей» [5, с. 47–53].

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется социокультурной маркированностью, стандартизованностью, аксиологичностью, эмоциональной окрашенностью и высокой устойчивостью ЗКФЕ, что обуславливает их способность выступать в роли символов, социальных стереотипов и феноменов определённой культуры.

Целью предлагаемого исследования является анализ фрагментов русской и польской языковой картины мира сквозь призму зоонимных компаративных фразеологизмов в аксиологическом аспекте.

Материалом исследования стала картотека ЗКФЕ русского и польского языков (общим количеством свыше 1000 языковых единиц), отобрана путём сплошной выборки из русских и польских фразеологических словарей [2, 4, 18, 22, 23, 27, 31, 34, 35].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время активно появляются работы, посвященные исследованию компаративной фразеологии в разных языках. В сравнительном и сопоставительном аспектах фразеологические компаративы исследовались такими учёными, как, например: З. Г. Абдуразаковой, Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюновой, Х. Вальтером, В. А. Вальчук, К. М. Гюлюмянц, Н. Б. Демьяненко, Е. Г. Карапетовой, Н. М. Кабановой, Л. Краевским, И. В. Кузнецовой, Л. А. Лебедевой, Э. А. Мальцевой, К. И. Мизиным, В. М. Мокиенко, В. М. Огольцевым, Е. Ю. Поповой, А. В. Терентьевым, Т. Н. Федуленковой, В. Хлебдой, И. В. Холманских, Д. Худык, Й. Шершунович и др. Но, являясь открытой динамической системой, данные языковые единицы требуют дальнейших изысканий.

Учёными доказано, что «фразеологизм как знак вторичной семиотизации выполняет особую функцию в символизации (эталонизации, стереотипизации) мира. Созданный в культуре, фразеологизм способен воплощать в себе устойчивые символические (эталонные, стереотипные) смыслы, которые были «заложены» в языковую семантику фразеологизма при его создании, служат культурной основой данной семантики и извлекаются из нее в речи. В этой особой, культурной, функции, фразеологизм является оязыковленным символом (эталонном, стереотипом)» [6, с. 7]. Согласно У. Липпману, стереотип – это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте. Система стереотипов представляет собой социальную реальность [17, с. 125–141].

Выявление особенностей структуры ЗКФЕ предполагает определение их компонентного состава и исследования их грамматического и семантического строения. Под компонентным составом ЗКФЕ следует понимать совокупность лексических элементов, необходимую для реализации закрепленного языковой традицией содержания. Основой ЗКФЕ является анималистическое сравнение. В плане выражения сравнение – это сопоставление двух предметов мысли на основе общего признака [11, с. 68]. М. Л. Ковшова подчёркивает: «Культурная интерпретация фразеологизма осуществляется путём референции вербальных культурных знаков (слов-компонентов фразеологизма) к разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры с целью обнаружения их корреляции по культурным смыслам. Ключевым звеном культурной интерпретации является соотнесение фразеологизма через его слова-компоненты с тематическими кодами культуры, где культурные смыслы компонентов получают свое подтверждение» [7, с. 176].

Учёные различают образные сравнения с разной степенью спаянности компонентов [30 с. 156] и выделяют следующие элементы компаративной конструкции полного сравнения: 1) сравниваемый элемент **A** (субъект сравнения – то, что подвергается сравнению), 2) элемент **C** (основание сравнения) – общий признак сравниваемых предметов, 3) сравнительный союз *как*, 4) сравнивающий элемент **B** (объект сравнения – то, с чем осуществляется сравнение) [16, с. 42].

Следовательно, в основе ЗКФЕ, как и любого компаратива, лежит определённый образ животного, закреплённый в сознании носителей языка, отображающий общенациональные представления и традиции народа. Анализ фразеологического материала подтверждает, что компаративные фразеологизмы активно репрезентированы в сфере зоонимной фразеологии русского и польского языков. И, безусловно, ЗКФЕ представляют большой интерес для исследователей, т. к. возникая на основе образного восприятия, они отражают национальную самобытность языка через систему оценочных образов-эталонов, характерных для определенной лингвокультурной общности.

По мнению В. Н. Телии, компаративные фразеологизмы выступают как «своего рода шаблоны национально-культурного миропонимания, как достояние группового сознания» [20, с. 239]. Исследователи утверждают, что языковые выражения подобного типа служат средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно – её оценивания в образах-эталонах. К. И. Мизин также считает, что познавательная информация аккумулируется в образах-эталонах КФЕ [14, с. 40] и данная «познавательная функция имманентна образам-эталонам априори, потому что главным методом разных уровней сознания чаще всего является метод сравнения, поиск эталона» [5, с. 24]. «Эталон есть “мера”, “мерило”, в соответствии с которой / которым оцениваются те или иные феномены, – пишет В. В. Красных. – Для культуры важно различать “содержательный смысл” эталона – содержательную “нишу” эталона, с одной стороны, и её “заполнение”, овнешнение в знаке – с другой стороны» [8, с. 344].

Эталонность, ориентация субъекта на определенные образцы, стереотипы – это объединительное начало, тот общий структурный принцип, который синтезирует процессы восприятия, познания и языковую картину мира [1, с. 9]. В роли эталона в компаративных конструкциях часто выступают анимализмы. В ходе исследования выявлен определённый круг образов-эталонов в составе компаративных фразеологизмов, репрезентирующих животный мир. Следует отметить, что важно не то, каков эталон, а то, как он культурно освоен представителями языкового социума, как он связан с

жизнедеятельностью человека, с его жизненным опытом. Компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом составляют достаточно большой процент от общего количества зафиксированных фразеологическими источниками языковых единиц. Данная группа является одной из наиболее распространенных в славянской фразеологии, потому что человек именно через сравнение с окружающими его животными (одомашненными, дикими) постигал действительность, познавал самого себя в структуре этой действительности. Польский лингвист А. Чапига, обосновывая животную метафору, пишет, что палитра связей, выражая образно-переносное перемещение значений в названия животных, является необычно богатой и не до конца исследованной. Это могут быть как реальные черты, которые выделяют данное животное из ряда других, так и черты абсолютно субъективные, приписываемые данному животному [29, с. 44].

Итак, среди эталонов выделяем соотносимые с ними компоненты-зоонимы, номинирующие **домашних** и **диких животных**.

Группа компаративных фразеологизмов с компонентами-зоонимами, обозначающими домашних животных, является достаточно численной и разнообразной в исследуемых языках. Посредством семантики указанных фразеологизмов отражаются различные фрагменты концептуальной картины мира. Так, в основе некоторых русских и польских ЗКФЕ лежит эталонизация умственной (интеллектуальной) характеристики человека, например: *как баран на новые ворота* – недоуменно, тупо, не понимая, не соображая ничего; растерянно, глуповато (установился, смотрит и т. п.) [23, с. 33]; *как баран на воду* – не понимающе и растерянно (смотреть на кого-либо или что-либо) [22, с. 17] и *głupi jak baran* – глупый, как баран [4, т. 1, с. 191]. В основе образования данных фразеологизмов лежит эталонизация глупости. Такое свойство человека, как неумение разобраться в неожиданно возникшей ситуации, уподоблено тупости и ограниченности, «приписанных» *барану*. Таким образом, фразеологизм является эталоном интеллектуальной неразвитости человека [2, с. 290].

Близким по семантике к вышеуказанным ЗКФЕ являются фразеологизмы *как стадо баранов* – беспорядочной толпой, бессмысленно (идти, бежать, двигаться и т.п.) [22, с. 654] и *iść, dać się prowadzić itp. jak stado baranów* – іść bez oporu, zachowując się biernie [35, с. 10], *iść / pojsć (dać się prowadzić) jak baran na rzeź (zagładę)* – идти / пойти как баран на бойню; идти / пойти как <овца, баран> на заклание *książk*. [4, т. 1, с. 191]. Как известно, стадо баранов всегда следует за своим предводителем. Когда он меняет направление своего движения, всё стадо следует за ним. То есть, в современном понимании слово *баран* часто служит синонимом тупости, иными словами, соотносится с отрицанием умственных способностей индивида. Подобное отрицание «нередко ассоциируют с пейоративной оценкой. В первую очередь, это обусловлено характером самого логико-психологического акта отрицания, который отражает отвержение предположений. Безусловно, субъект отвергает то, что ему не нравится или кажется неправильным в его лингвокультуре, что не соотносится с общепринятыми морально-этическими, эстетическими и социальными нормами» [25, с. 212].

С незапамятных времён с человеком сжились домашние животные, которых он держал около себя, доставляя им кров и пищу, и которые при этом легко плодились, передавая своим потомкам как природные, так и приобретённые ими, под влиянием человека, свойства [27]. *Баран* в древности был культовым животным, которого приносили в жертву. Заклания иногда происходило на руках у хозяина, поэтому животное не оказывало сопротивление. Во фразеологии такой образ символизирует послушание,

кротость. Так, например, в польской фразеологической картине мира образ-эталон *baranek* ассоциируется с исключительно спокойным человеком: *ktoś łagodny, potulny itp. jak baranek, jak jagnię* – *ktoś bardzo wyjątkowo łagodny, spokojny, potulny itp.* [36, с. 12].

Фразеологические способы репрезентации представления о действительности свидетельствуют и о различиях в национальных картинах мира. Так, жестокость, беспощадность находит своё отражение в семантике русского фразеологизма с образом-эталонном *козы Сидора: как сидоровой козе* [22, с. 301]. Образность сравнения строится на переносных значениях слов *Сидор* (это имя в народе часто связывалось с представлением о злом или сварливом человеке) и *коза* (по народным представлениям, животное с вредным характером). Ранее имя *Сидор* характеризовало богатого, но скупого и мелочного человека. В сравнении отражено стремление мести *Сидору*: если он сам недосыгаем для наказаний, пусть хоть его козе достанется основательно. Русские фразеологизмы с компонентами, номинирующими данный вид животных, могут объективировать отсутствие какой-либо пользы: *как (что) от козла молока; как (что) от козла, ни шерсти, ни молока* [22, с. 301–302]. Образное представление основано на следующем: большая польза от овцы – молоко и шерсть. Есть польза и от барана – шерсть и мясо. И от козы тоже есть – молоко. А вот козёл ни молока, ни шерсти не даёт, да и мясо козлиное не всем нравится.

Отрицательная коннотация польской ЗКФЕ *jak z koziej dupy trąba* – *porównanie podkreślające fakt, że ktoś nie nadaje się do niczego* [31, с. 78] усиливается не только за счёт обценной польской лексемы *dupa*, но и «уточняющего» прилагательного *koziej*, образованного от имени существительного *koza*.

Русская ЗКФЕ *как корова языком слизала* обозначает что-то быстро и бесследно исчезнувшее [23, с. 208]. Образное содержание фразеологизма основано на наблюдении за поведением домашнего животного – *коровы* и отражает стереотипное представление о нём, как о жвачном всеядном животном, способном слизать языком, быстро проглотить любую пищу [2, с. 295–296].

Нескладность и несуразность в чём-либо отражает фразеологизм *как на корове седло* [23, с. 419]. Семантику данной КФЕ можно мотивировать следующим: седло – это снаряжение для верховой езды на коне, сиденье для всадника. Трудно представить себе корову, всё время мирно пасущуюся на лугу и жующую жвачку, вскачь несущейся со всадником на спине. В этом и состоит злая ирония выражения, репрезентирующая отрицательную коннотацию и подчёркивающая всю несуразность действий и явлений, независимо от того, касается ли это одежды, должности или поведения человека в обществе.

Подобное выражение *jak krowie siodło* активно бытует и в польской языковой картине мира, однако его происхождение связывают с высказыванием И. В. Сталина относительно коммунизации Польши и собственно тем – пренебрежительного отношения к полякам. «Autorem powyższego porównania był Józef Wissiarionowicz Dżugaszwili znany jako Stalin, dyktator i zbrodniarz komunistyczny... Podczas spotkania Stalina ze Stanisławem Mikołajczykiem, premierem polskiego rządu na uchodźstwie... Mikołajczyk zapytał Stalina, czy planuje wprowadzić w Polsce komunizm. Ten odpowiedział dowcipnie, że komunizm pasuje Polakom jak krowie siodło.

Mimo, że odpowiedź ta merytorycznie była uspokajająca, formę miała obraźliwą. Porównanie kraju do bydła nie było komplementem. Sugerowało też wyższość Sowietów. Siodła się bowiem konie, a te od czasów średniowiecznych były symbolem szlachectwa i rycerskości.

Porównanie Stalina zdobyło jednak uznanie wielu publicystów, którzy chętnie go używają w różnych sytuacjach, nie zważając na kontrowersyjność frazy» [32].

Латентная отрицательная коннотация присуща таким польским ЗКФЕ, как: *coś stoi, leży, jest napisane jak byk, jak wół* – coś jest wyraźnie napisane, dobrze widoczne, rzuca się w oczy [35, с. 30] и *chodzić, lazić, dreptać itp. za kimś jak cielę za krową* – nie odstępować kogoś, chodzić krok в krok за kimś [35, с. 39]. Мотивированность данных выражений очевидна. Семантика первой ЗКФЕ базируется на внешних признаках (величина) зоонима *byk / wół*, а второй – на поведении маленького представителя фауны, так как в первое время после рождения не только телёнок, но и несмышлённые детёныши многих других животных находятся возле матери, не отходят от неё ни на шаг.

В. А. Маслова обращает внимание на тот факт, что «язык отражает культурные реалии своего народа и тем самым обслуживает его культуру. С одной стороны, он составляющая культуры (хотя и не соотносится с ней как часть и целое), с другой – он не просто отражает культуру, но интерпретирует её и мир, создавая ещё одну реальность, в которой живёт человек» [13, с. 237]. Так, образ *кошки* в славянской языковой картине мира очень противоречив. Одни кошку причисляют к вещим животным, способным предугадывать будущее и приносить счастье, поэтому в России повсеместно считается, что убить кошку – большой грех. Кошка может предвещать приход гостей, рождение ребёнка в семье. Кошка в русских поверьях и народном сознании традиционно ассоциируется с женским началом. Другие убеждены, что чёрная кошка связана с нечистой силой [15, с. 10-11]. В русском и польском языкознании существует ряд исследований, посвящённых анализу фразеологизмов с компонентом, репрезентирующим образ *кошки / kota* [3, 19, 28, с. 95–138, 34, с. 21–31]. Учитывая постоянное пребывание *kota* в жизни славян (как россиян, так и поляков), оказывается возможным объяснять мотивированность значительного количества зоофразеологизмов с этим образом-эталоном. Основанием для многих ЗКФЕ стали наблюдения за поведением данного животного в природе: *играть, как кошка с мышкой (мышью)* – забавляться кем-либо, пользуясь своим превосходством, преимуществом положения и т.п. [22, с. 265] и *bawić się, igrać z kimś jak kot z myszką, z myszą* – znęcać się, wykorzystywać swoją intelektualną lub fizyczną przewagę nad kimś, upokarzać kogoś [36, с. 184]; *как угорелая кошка* – в иступлении, бессмысленно (бегать, метаться и т. п.) [23, с. 210] и *biegać, latać jak kot z pęcherzem* – biegać szybko, nerwowo, w różnych kierunkach, bez określonego celu, mieć dużo spraw do załatwienia i nie nadążać ze zrobieniem wszystkiego [36, с. 184]. Происхождение последнего компаративного зоофразеологизма Ю. Крижановский объясняет наблюдением за поведением кота во время давних уличных развлечений, когда к хвосту животного привязывали высушенный рыбий пузырь, наполненный горохом, и отпускали. Звуки бьющегося о землю пузыря с горохом пугали животное, оно паниковало и металось в разные стороны [33].

Некоторые ЗКФЕ с компонентом *kot* мотивированы, например, биологическими характеристиками животного. Как известно, в начале весны у котов происходит гормональный выброс и начинается брачный период. В это время животные преследуют две главные цели – стараются покорить кошку и завладеть частью определённой территории, которую, в случае победы, они метят: *kochliwy jak kot w marcu* – o kimś bardzo kochliwym [35, с. 167]. ЗКФЕ *tyle co kot napłakał* – bardzo mało, odrobinę, prawie nic [36, с. 184] отражает некую физиологическую характеристику котов – слезоточивость глаз как особенность их природы. Но эти слёзные выделения очень незначительны. Скорее

всего, животное может «плакать» исключительно по физическим причинам (промыть глаза), в отличие от человека, который может обильно плакать также из-за психологических факторов.

Собака – животное, так же, как и кошка, наделяемое в славянских народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями, часто выступает в паре с кошкой. Собака и кошка объединяются или противопоставляются друг другу в представлениях об их «чистоте» или «нечистоте» [15, с. 10]. Вечная нелюбовь собак к кошкам отразилась в выражениях обеих лингвокультур: *жить как кошка с собакой* – в постоянной ссоре, вражде [23, с. 210] и *żyć z sobą ja pies z kotem* – być we wrogich stosunkach, kłócić się i nienawidzić [31, с. 94], *kochać się jak pies z kotem* – żyć ze sobą w niezgodzie, w nienawiści, nie znosić się, nie cierpieć się wzajemnie [36, с. 356].

Предположительно, слово *собака* иранского происхождения. В русском языке в качестве названия самца собаки бытует также слово *нёс*. Лексемы *нёс* по-русски и *pies* по-польски – общие для этих славянских языков. Их существование можно уже найти в праславянском языке. У славян сложилось в основном положительное отношение к собаке как к другу человека. В русской и польской лингвокультурах присутствуют выражения, указывающие на важные способности и черты этих животных: *собачий нюх* и *собачья верность* – по-польски *psi węch* и *wierny jak pies* [21]. Но существует и довольно много выражений, в которых *собака* выступает носителем отрицательных качеств – прежде всего, злости и грубости. Об очень злом, недоброжелательном человеке говорят, что он *злой как собака*, то есть очень злой. Как видим, сравнение *как собака* приобретает переносное значение квантификатора «очень сильно» (метасимвола, задающего количественное отношение). Поэтому о человеке, который постоянно обманывает, говорят, что он *брешет как собака* – по-польски *łgać jak pies* [36, с. 355].

Исследуемый материал убеждает, что один и тот же эталон в русской и польской фразеологической картине мира часто выступает с разными основами сравнения. Это обуславливается комплексным народным восприятием объекта сравнения, способностью актуализировать его различные характеристики в аксиологическом аспекте. Так, компонент-зооним *собака / pies* в русском и польском фразеологическом пространстве выполняет такие аксиологические функции:

а) служит эталоном голодного и злого человека: *как собака* – очень сильно, до крайности (устал, голоден, замерз и т. п.) [23, с. 442] и *ktoś głodny, zły, zmarnięty itp. jak pies* – o kimś bardzo głodnym, bardzo złym, bardzo zmarniętym itp. [36, с. 355];

б) символизирует большое количество: *как собак перезаных* – очень много. О ком-либо [23, с. 442] и *gdzieś jest ludzi, dzieci, turystów itp. jak psów* – gdzieś jest bardzo [35, с. 314];

в) эксплицирует не только отрицательное отношение к животному, но и человеческую жестокость: *как собаку* – без всякой жалости (поступить с кем-либо: выпнать, убить и т.п. кого-либо) [22, с. 638] и *zabić, ubić kogoś jak psa* – zabić kogoś w sposób bezwzględny, okrutny [35, с. 315], *zbić kogoś jak psa* – bardzo kogoś zbić [36, с. 356], *traktować, potraktować kogoś jak psa* – bardzo źle kogoś traktować, potraktować [36, с. 356], *wypędzić, wyrzucić itp. kogoś jak psa* – wypędzić, wyrzucić kogoś bez skrupulów [36, с. 356];

г) символизирует высшую степень эмоций: *как собака палку* – очень сильно (не любить, не хотеть) [22, с. 638]; *czuć się jak zbity pies* – czuć się bardzo źle, podle [36, с. 356];

д) воплощает осуждение: *как собака на сене кто* – кто-либо сам не пользуется чем-либо и другим не даёт пользоваться. О человеке [22, с. 638];

е) даёт физиологические и поведенческие характеристики: *как на собаке* – быстро и само собой, без лечения (заживает, затягивается). О ране, царапине и т.п. [22, с. 638] и *zabierać się do czegoś jak pies do jeża* – zaczynać coś, zwykle jakąś pracę, ostrożnie, powoli, w obawie przed trudnościami [35, с. 315], *należy coś komuś jak psu zupa* – coś się komuś bezwzględnie należy [36, с. 355]; ж) указывает на социальный статус: *как пёс бездомный* – без родных и близких, одинокий, без постоянного местопребывания [22, с. 469] и т.д.

В русской и польской фразеологических картинах мира присутствуют парадоксальные, энантиосемичные межъязыковые компаративные синонимы: *нужен как собаке пятая нога* – нисколько, ничуть, совершенно не (нужен) [23, с. 281] и *potrzebne coś komuś jak psu piąta noga* – coś jest komuś zupełnie niepotrzebne [35, с. 315]. Безусловно, при своих четырёх ногах пятая нога собаке совершенно не нужна. Данные примеры свидетельствуют, что «энантиосемия непосредственно связана со спецификой фразеологического знака, структурными элементами его значения» [26, с. 141].

Вол в польской этнокультуре является эталоном трудолюбия: *pracowity jak wół* – bardzo pracowity [35, с. 549]. Воллом номинируют домашнего быка, которого используют как тягловый скот. Это животное отличается выносливостью, поэтому и сравнивают с ним трудолюбивого человека [27].

По мнению О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко, «фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления “языка культуры”, описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации» [9, с. 119]. Несомненно, каждый народ по-своему объективирует окружающий мир. Иногда одни и те же явления действительности вызывают как одинаковые, так и разные реакции и представления об увиденном. Зооним-эталон *свинья* в русских и польских КФЕ может определять их содержание на основании стереотипов отрицательной оценки животного: *как свинья в апельсинах* (разг., пренебр.) – нисколько, совершенно (не разбираться, понимать, смыслить в чём-либо) [22, с. 600].

М. Вторковская считает, что в польском языке, как и в русском, образ *свиньи* также коннотирован отрицательно и ассоциируется с грязью: «*Świnia przebywa głównie w chlewie, gdzie przede wszystkim śpi i je, nie jest wypuszczana na zewnątrz, można więc powiedzieć, że nie robi nic pożytecznego. Jest więc leniwa, co można powiązać też z jej grubością i czego wyrazem jest słoweńskie wyzwisko *prastica lena*, to jest leniwa świnio! W odmianie mówionej języka polskiego można usłyszeć zwrot *gnić jak świnia*, a więc nic nie robić, tylko się wylegiwać, nie być pożyteczny» [37].*

Перенесение стереотипов данного животного на черты характера человека, его поведение в русской и польской фразеологии имеет метафорическую природу и репрезентирует физическое состояние личности вследствие употребления алкоголя: *как свинья* (разгов., презрит.) – очень сильно, безобразно (напиться, быть пьяным и т.п.) [22, с. 600] и *upić się, schlać się, urżnąć się jak świnia* – bardzo się upić [36, с. 552].

Однако следует отметить, что в польской лингвокультуре в отличие от русской зафиксировано также абсолютно противоположное значение выражения не только в денотативном, но и в коннотативном плане: *ktoś jest trzeźwy jak świnia* – ktoś nie jest pijany, ktoś jest zupełnie trzeźwy [35, с. 481]. Как видим, в данном случае со свиньёй сравнивается трезвый человек.

Стереотипы разных культур и народов могут быть тождественными или подобными. В коннотативной зоне данных фразеологических единиц присутствует оценочный компонент, что подтверждают также стилистические пометы: *разг., пренебр., презр., бран.* Это объясняется тем, что, как и во фразеологии вообще, так и в зоофразеологизмах в частности, оценка связана с такими факторами, как антропоцентризм, эмотивность и образность [24, с. 89].

Компаративные фразеологизмы с компонентами-зоонимами, обозначающими **диких животных**, также представляют активный сегмент в русской и польской фразеологических картинах мира. Такие фразеологические единицы могут репрезентировать как положительные, так и отрицательные черты характера человека, например, проворность, суетливость, трудолюбие: *вертеться [кружиться] как белка в колесе* [23, с. 60]. Образ фразеологизма создается метафорой – уподоблением по сходству занятия белки, бесполезно вертящейся в колесе, суетливому человеку, находящемуся в беспрестанных, часто бесплодных хлопотах, в беспокойных занятиях. В основе образа данного фразеологизма лежит также конструкция сравнения, в которой сопоставлены определенное свойство движения – быстрый темп, а также его направленность – по кругу. Белка – шустрый и подвижный зверёк, а вращение колеса является одним из любимых занятий животного, компенсирующее недостаток (в домашних условиях) в характерном для этого зверька быстром передвижении, без которого белка может погибнуть. В данной ЗКФЕ образ белки в колесе осмысливается как «движение без движения». Затрачивая много энергии на выполнение чего-либо, возвращаешься к тому, с чего начинал. Данный фразеологизм выступает в роли эталона непрерывной, повседневной деятельности, часто связанной с пустыми и бесплодными занятиями, которые приводят к бесплодным результатам [2, с. 109–110].

С образом *лисы* в русском ментальном пространстве обычно соотносится представление о чём-либо сомнительном и фальшивом. В структуре КФЕ компонент-зооним *лиса* является эталоном хитрости, ловкости, лицемерия: *хитрый как лиса* [22, с. 345].

Льва заслуженно называют царём зверей, он издавна является символом отваги, мощи, храбрости. Безусловно, лев является образом-эталонном властных, волевых, сильных физически и духовно людей: *odważny jak lew* – bardzo odważny, mężny [35, с. 191]. Как видим, многие эталоны сравнения объективно мотивированы и понятны. В их основе лежат реальные наблюдения, например, за внешним обликом и поведением животного. С *ланью* сравнивают, например, красивую, стройную энергичную женщину или девушку: *kobieta, dziewczyna jak lania* – kobieta, dziewczyna piękna, postawna, odznaczająca się zdrowiem i energią [35, с. 199]. *Волк* постоянно вынужден искать себе пищу в дикой природе, поэтому ассоциируется с очень сильным ощущением голода: *głodny jak wilk* – bardzo głodny [35, с. 540].

В некоторых случаях ЗКФЕ строятся на парадоксальности сравнения, что придаёт им большей экспрессивности: *plakać (ryczeć itp.) jak bóbr* – реветь белугой; рекой разливаться; рыдать в три ручья [4, т. 1, с. 214]; *narozrabiać jak pijany zając* – narobić gdzieś wiele zamieszania [35, с. 586].

Компаративные фразеологизмы с компонентами-зоонимами, обозначающими **грызунов**, в обеих фразеологических картинах мира репрезентируют убогое материальное положение: *беден как церковная крыса* [22, с. 329], *беден как церковная мышь* [22, с. 384] и *biedny, ubogi jak mysz kościelna* – okimś bardzo biednym [36, с. 262].

Издавна считалось, что в церкви и костёле нет кладовых, поэтому мышам, крысам особо нечем было поживиться. Во внутренней форме данных фразеологизмов отражено стереотипное христианское представление о бедном человеке.

Образ *мышь* также может служить: а) эталоном стараний, усилий: *spocić się jak ruda mysz, jak mysz w pologu* – bardzo się spocić [36, с. 263], б) стереотипом определённого поведения: *siedzieć cicho jak mysz pod miotłą* – zachowywać się cicho, spokojnie, zwykle w obawie, żeby nie zwrócić na siebie czyjejś uwagi [36, с. 262] и в) выражением эмоционального состояния человека, например, недовольства: *как мышь на крупу* [22, с. 384]. Мышь, которая добралась до крупы, выглядит так, как будто сердится, «дуется» на неё. Это происходит потому, что от жадности животное набивает полный рот крупой. Вроде ещё хочет есть, но при этом жевать уже не может, поэтому у мыши недовольный, «надутый» вид.

В русской зоофразеологии *крыса* ассоциируется с устойчивым стереотипным представлением о подлости и предательстве, выступая как эталонный носитель указанных качеств: *как крысы с корабля* [22, с. 330]. В сравнении, лежащем в основе образа фразеологизма, отражена стереотипная ситуация: крысы, предчувствуя кораблекрушение, бегут с корабля, что стало дурной приметой для моряков [2, с. 305–306].

Несомненно, по мнению О. В. Ломакиной и В. М. Мокиенко, «фразеологический фонд языковой системы отражает различные проявления «языка культуры», описание которого представляет собой фрагмент национально-культурной коннотации» [10, с. 7].

ВЫВОДЫ

Таким образом, зоонимные компаративные фразеологические единицы русского и польского языков репрезентируют фрагменты славянской языковой картины мира в аксиологическом аспекте. Исследование подтверждает, что интерес к ЗКФЕ вполне оправдан, так как они наиболее ярко и непосредственно отражают как общие славянские стереотипы мышления, так и национальную самобытность конкретного народа, специфику его образного мышления и менталитета через систему оценочно-образных эталонов. Компоненты-зоонимы в русской и польской фразеологической картине мира выполняют определённые аксиологические функции.

Русские и польские ЗКФЕ представляют собой средство реализации категории анималистического сравнения. Родовые и видовые названия животных (домашних, диких, грызунов и т.п.) выступают эталонами сравнений, создавая конкретно-чувственное изображение внешности человека, черт его характера и поведения. Возникая на основе образного представления о том или ином животном, сравнения позволяют глубже понять особенности мировоззрения определенного социума. Совпадение эталонов сравнения у русских и поляков, очевидно, следует объяснять сходными природно-климатическими условиями, культурно-исторической общностью. Однако интерпретация эталона сравнения, представления о носителях того или иного качества в исследуемых языковых картинах мира зачастую не совпадает, что обусловлено обиходно-культурным опытом носителей данных языков, а также идеологическими мотивами.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка : Попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
2. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст] / Отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014. – 784 с.
3. Вовк, Н. Н. Семантика и функции ФЕ с компонентом «кошка» в русском языке (в сопоставлении с украинским языком) [Текст] // Учен. зап. Таврич. ун-та. Научный журнал. Серия «Филология». – 2007. – Т. 20 (59). – № 6. – С. 49–56.
4. Гюлумянц, К. М. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. [Текст] / К. М. Гюлумянц. – Минск : Экономпресс, 2004. – Т. 1. А – М. 688 с. – Т. 2; N – Z. – 718 с.
5. Дубинин, И. И. Динамика обыденного сознания [Текст] / И. И. Дубинин, Л. Г. Гусякова. – Минск, 2005. – 135 с.
6. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... докт. филол. Наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» [Текст] / М. Л. Ковшова. – Москва, 2009. – 48 с.
7. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. – Изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2013. – 456 с.
8. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры [Текст] / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.
9. Ломакина, О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков [Текст] / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // «Русин», 2016. – № 3 (45). – С. 119–128.
10. Ломакина, О. В. Очерки русинской фразеологии: монография [Текст] / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко. – Москва : РУДН, 2021. – 97 с.
11. Магомедова, У. А. К вопросу о моделируемости фразеологических единиц [Текст] / У. А. Магомедова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – Кострома, 2013. – №1. – С. 68–71.
12. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208с.
13. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре: монография [Текст] / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
14. Мизин, К. И. Компаративная фразеология [Текст] / К. И. Мизин. – Кременчук, 2007. – 238 с.
15. Никитина, Т. Г. Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте. Учебное пособие для студентов филологических и педагогических профилей [Текст] / Т. Г. Никитина. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2011. – 140 с.
16. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии [Текст] / В. М. Огольцев. – М. : Книжный дом, 2010. – 192 с.
17. Ослон, А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» [Текст] / А. Ослон // Социальная реальность. – № 4. – 2006. – С. 125–141.
18. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?Page- =3&alpha=%CD>. – (Дата обращения: 29.01.2021).

19. Сагата, Ю. *Kity* польській та українській фразеології [Текст] / Ю. Сагата // Проблеми слов'язознавства, 2008. – Вип. 57. – С. 282–290.
20. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
21. Хохул, Х. Концепт собака в русской и польской письменности [Электронный ресурс] / Х. Хохул // Язык и текст langpsy.ru. 2014. – №1. – Режим доступа: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov>. – (Дата обращения: 29.01.2021).
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
23. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под. ред. А. И. Молоткова. – Изд. 7-е, исправл. – М. : АСТ, 2006. – 543 с.
24. Щербачук, Л. Ф. Зооним свинья в славянской фразеологической картине мира (на материале русского, украинского и польского языков) [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и лингвокультурологические аспекты) Коллективная монография. – Universität Greifswald Greifswald, 2019. – С. 83–89.
25. Щербачук, Л. Ф. Отрицание и оценка в русской фразеологии : лингвокультурологический аспект [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды : опыт и перспективы: труды и материалы международной конференции: в 2 т. / под общ. ред. Е. А. Горобец, О. Ф. Жолобова, М. О. Новак. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 2. – С. 212–215.
26. Щербачук, Л. Ф. Энантисемичные фразеологизмы русского языка с каузативной семантикой [Текст] / Л. Ф. Щербачук // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении : тезисы докладов участников международной научной конференции / отв. ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь, 2018. – С. 139–142.
27. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890-1907. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yarus.aspu.ru/?id=373>. (Дата обращения: 29. 01. 2021).
28. Anusiewicz, J. Językowo-kulturowy obraz kota w polszczyźnie [Tekst] / J. Anusiewicz // Etnolingwistyka. T. 3 / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 1990. – S. 95–138.
29. Chudyk, D. Семантика и структура сравнительных конструкций с прилагательными со значением розового цвета (на материале русского и польского языков) [Tekst] / Dorota Chudyk // Коммуникативные аспекты грамматики и текста I / pod redakcją Zofii Czapigi, Anny Stasienko. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. – S. 155–166.
30. Czapiga, A. Antroponimiczne metafory odzwierzęce w języku polskim, rosyjskim i angielskim [Tekst] / A. Czapiga. – Rzeszów : Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. – 219 s.
31. Dominów, Z. Słownik frazeologiczny A-Z [Tekst] / Z. Dominów, M. Dominów. – Poznań : IBIS, 2010. – 304 s.
32. *Jakkrowiesiodło* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edusens.pl/edusensownik/pasowac-jak-siodlo-krowie>. – (Дата обращения: 29. 01. 2021).

33. Krzyżanowski, J. Mądrej głowie dość dwie słowie. Trzy centurie przysłów polskich [Tekst] / J. Krzyżanowski. – Warszawa, 1988. – 241 s.
34. Mosiołek-Kłosińska, K. Motywacja związków frazeologicznych zawierających wyrazy *pies* i *kot* [Tekst] / K. Mosiołek-Kłosińska // Etnolingwistyka. 7 / Pod red. J. Bartmińskiego. – Lublin, 1995. – S. 21–31.
35. Słownik frazeologiczny PWN [Tekst] / pod redakcją Anny Kłosińskiej, Elżbiety Sobol i Anny Stankiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2011. – 654 s.
36. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami [Tekst] / Anna Kłosińska, Anna Stankiewicz, Elżbeta Sobol. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2005. – 840 s.
37. Wtorkowska, Maria. Językowy obraz świni i jej rodziny przez pryzmat frazeologii w języku polskim i Słoweńskim [Электронный ресурс] / Maria Wtorkowska. – Режим доступа: http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf. – (Дата обращения: 29.01.2021).

References

1. Apresyan Yu. D. *Obraz Cheloveka Po Dannym Jazyka: Popytko Sistemnogo Opisanija* [The Image of a Person According to Language Data. An Attempt of Systemic Description]. *Voprosy Yazykoznanija*, 1995, no 1, pp. 37–67.
2. *Bolshoi Frazelogicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [The Great Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by V. N. Teliya. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2014. 784 p.
3. Vovk N. N. *Semantika i Funktsii FYe s Komponentom Koshka v Russkom Yazyke (v Sopostavlenii s Ukrainskim Yazykom)* [Semantics and Functions of the Phraseological Units with the Component Cat in Russian (in Comparison with the Ukrainian Language)]. *Uchenye Zapiski Tavricheskogo. Nauchnyi Zhurnal. Seriya Filologiya*, 2007, Vol. 20 (59), no 6, pp. 49–56.
4. Gulumyants K. M. *Polsko-Russkii Frazelogicheskii Slovar: v 2 T.* [Polish-Russian Phraseological Dictionary in 2 Volumes]. Minsk: Jekonompress Publ., 2004. Vol. 1. A – M, 688 p. Vol. 2. N – Z, 718 p.
5. Dubinin I. I., Guslyakova L. G. *Dinamika Obydenного Soznaniya* [Dynamics of Everyday Consciousness]. Minsk, 2005. 135 p.
6. Kovshova M. L. *Semantika i Pragmatika Frazelogizmov (Lingvokulturologicheskii Aspekt): Avtoref. Dis. ... Dokt. Filol. Nauk* [Semantics and Pragmatics of Phraseological Units (Linguoculturological Aspect). Abstract of Thesis]. Moscow, 2009. 48 p.
7. Kovshova M. L. *Lingvokulturologicheskii Metod vo Frazelogii: Kody Kultury* [Linguoculturological Method in Phraseology. Codes of Culture]. Moscow: LIBRIKOM Publ., 2013. 456 p.
8. Krasnykh V. V. *Slovar i Grammatika Lingvokultury* [Dictionary and Grammar of Linguoculture]. Moscow: Gnozis Publ., 2016. 496 p.
9. Lomakina O. V., Mokienko V. M. *Poznavatelnyi Potentsial Rusinskikh Paremii na Fone Russkogo i Ukrainskogo Yazykov* [Cognitive Potential of Rusyn Paremias (Based on the Russian and Ukrainian Languages)]. *Rusin*, 2016, no 3 (45), pp. 119–128.
10. Lomakina O. V., Mokienko V. M. *Ocherki Rusinskoi Frazelogii: Monografiya* [Essays on Rusyn Phraseology. A Monograph]. Moscow: RUDN Publ., 2021. 97 p.

11. Magomedova, U. A. *K Voprosu o Modeliruemosti Frazеologicheskikh Yedinit* [On the Question of the Modeling of Phraseological Units]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova*, Kostroma, 2013, no 1, pp. 68–71.
12. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya*. [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 208 p.
13. Maslova V. A. *Homo Lingualis v Kulture: Monografiya* [Homo Lingualis in Culture. A Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2007. 320 p.
14. Mizin K. I. *Komparativnaya Frazеologiya* [Comparative Phraseology]. Kremenchuk, 2007. 238 p.
15. Nikitina T. G. *Russkie Frazеologizmy v Lingvostranovedcheskom i Lingvokraevedcheskom Aspekte. Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Filologicheskikh i Pedagogicheskikh Profilei* [Russian Phraseological Units in the Aspect of Linguistic and Regional Studies. Textbook for Students of Philological and Pedagogical Faculties]. Pskov: LOGOS Plyus Publ., 2011. 140 p.
16. Ogoltsev V. M. *Ustoichivye Sravneniya v Sisteme Russkoi Frazеologii* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology]. Moscow: Knizhnyi Dom Publ., 2010. 192 p.
17. Oslon A. *Uolter Lippman o Stereotipakh: Vypiski iz Knigi Obshchestvennoe Mnenie* [Walter Lippman on Stereotypes. Extracts from the Book Public Opinion]. *Sotsialnaya Realnost*, 2006, no 4, pp. 125–141.
18. *Russkaya Frazеologiya. Istoriko-Jetimologicheskii Slovar* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Ed. by V. M. Mokienko. Moscow, 2005. Available at: <http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?Page=-3&alpha=%CD> (accessed 29 January 2021).
19. Sagata Yu. *Kit u Polskii ta Ukrainskii Frazеologii* [The Cat in Polish and Ukrainian Phraseology]. *Problemy Slovyanoznnavstva*, 2008, no 57, pp. 282–290.
20. Teliya V. N. *Russkaya Frazеologiya. Semanticheskii, Pragmaticheskii i Lingvokulturologicheskii Aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow: Shkola Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1996. 288 p.
21. Khokhul Kh. *Kontsept Sobaka v Russkoi i Polskoi Pismennosti* [The Concept of the Dog in Russian and Polish Writing]. *Yazyk i Tekst langpsy.ru*. 2014, no 1. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov> (accessed 29 January 2021).
22. *Frazеologicheskii Slovar Russkogo Literaturnogo Yazyka: Ok. 13000 Frazеologicheskikh Yedinit* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: Approx. 13000 Phraseological Units]. Ed. by Ye. I. Fedorov. Moscow: Astrel: AST Publ., 2008. 878 p.
23. *Frazеologicheskii Slovar Russkogo Yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Ed. by A. I. Molotkova. Moscow: AST Publ., 2006. 543 p.
24. Shcherbachuk L. F. *Zoonim Svinya v Slavyanskoi Frazеologicheskoi Kartine Mira (na Materiale Russkogo, Ukrainskogo i Polskogo Yazykov)* [Zoonim Pig in the Slavic Phraseological Picture of the world (Based on the Russian, Ukrainian and Polish Languages)]. *Animalisticheskaya Frazеologiya v Slavyanskikh Yazykah (Lingvisticheskie i Lingvokulturologicheskie Aspekty)*. *Kollektivnaya Monografiya*. Universitat Greifswald Greifswald, 2019, pp. 83–89.
25. Shcherbachuk L. F. *Otritsanie i Otsenka v Russkoi Frazеologii: Lingvokulturologicheskii Aspekt* [Denial and Evaluation in Russian Phraseology: Linguoculturological Aspect]. *Lingvokulturologicheskie Issledovaniya Razvitiya Russkogo Yazyka v Usloviyakh Polijetnicheskoi Sredy: Opyt i Perspektivy: Trudy i Materialy Mezhdunarodnoi Konferentsii*:

- v 2 T. Ed. by Ye. A. Gorobets, O. F. Zholobova, M. O. Novak. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo Universiteta, 2018, Vol. 2, pp. 212–215.
26. Shcherbachuk L. F. *Jenantiosemitichnye Frazeologizmy Russkogo Yazyka s Kauzativnoi Semantikoi* [Enantiosemic Phraseological Units with Causative Semantics in the Russian Language]. *Mezhkulturnye Kommunikatsii: Russkii Yazyk v Sovremennom Izmerenii: Tezisy Dokladov Uchastnikov Mezhdunarodnoi Nauchnoi Konferentsii*. Ed. by G. Yu. Bogdanovich. Simferopol', 2018, pp. 139–142.
 27. *Jenciklopedicheskii Slovar F. A. Brokgauza i I. A. Jefrona* [Encyclopedic Dictionary by F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. SPb.: Brokgauz-Jefron. 1890-1907. Available at: <http://yarus.aspu.ru/?id=373> (accessed 29 January 2021).
 28. Anusiewicz J. Językowo-Kulturowy Obraz Kota w Polsce. *Etnolingwistyka*. T. 3. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1990. S. 95–138.
 29. Chudyk D. *Semantika i Struktura Sravnitelnykh Konstruktsii s Prilagatelnyimi so Znacheniem Rozovogo Tsveta (na Materiale Russkogo i Polskogo Yazykov)* [Semantics and Comparative Constructions with the Adjective Pink (Based on the Russian and Polish Languages)]. *Kommunikativnye Aspekti Grammatiki i Teksta I*. Pod redakcją Zofii Czapigi, Anny Stasienko. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2013. S. 155–166.
 30. Czapiga A. Antroponimiczne Metafory Odzwierżące w Języku Polskim, Rosyjskim i Angielskim. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2008. 219 s.
 31. Dominów Z., Dominów M. *Słownik Frazeologiczny A-Z*. Poznań: IBIS, 2010. 304s.
 32. Jak Krowie Siodło. Available at: <http://www.edusens.pl/edusensownik/pasowac-jak-siodlo-krowie> (accessed 29 January 2021).
 33. Krzyżanowski J. *Mądrzej Głowie Dość Dwie Słowia. Trzy Centurie Przysłów Polskich*. Warszawa, 1988. 241 s.
 34. Mosiołek-Kłosińska K. Motywacja Związków Frazeologicznych Zawierających Wyrazy Pies i Kot. *Etnolingwistyka*. 7. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1995. S. 21–31.
 35. *Słownik Frazeologiczny PWN*. Pod redakcją Anny Kłosińskiej, Elżbiety Sobol i Anny Stankiewicz. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2011. 654 s.
 36. *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Pod red. Anna Kłosińska, Anna Stankiewicz, Elżbeta Sobol. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 840 s.
 37. Wtorkowska Maria. Językowy Obraz Świni i Jej Rodziny Przez Pryzmat Frazeologii w Języku Polskim i Słoweńskim. Available at: http://animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Wtorkowska.pdf (accessed 29 January 2021).

THE ESTIMATED FRAGMENTS OF THE SLAVIC LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF THE RUSSIAN AND POLISH ZOONYMOUS COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS

Shcherbachuk L. F.

Summary. The article is devoted to the characteristics of the zoonymous comparative phraseological units of the Russian and Polish languages as representatives of individual fragments of the Slavic linguistic picture of the world in the axiological aspect. As a result of the analysis, the structure of phraseological comparatives was characterized, the semantic and axiological features of the zoonym component composition of the phraseological units were studied, the latent features of the embodiment of cultural dominants in them were revealed. The

zoonymic comparative phraseological units are considered in the work as a means of implementing the category of animalistic comparison from the point of view of axiology and as an ethnocultural text, which is interpreted with the help of cultural meanings inherent in the semantics of phraseological units, their internal form, and component composition. The study identifies the motives of comparison in the semantic structure of the Russian and Polish zoonymous comparative phraseology. Among the standards of comparison, the corresponding components-zoonyms, nominating domestic and wild animals, are highlighted. The material of the research confirms that the component composition of zoonymic comparative phraseological units is distinguished by a high degree of detection of the evaluated feature. The axiological component of the semantic structure of the zoonymic components of phraseological units is determined by both national-cultural, psychological, physiological factors, and ideological reasons and can acquire positive or negative connotations in the course of its function in the national linguistic pictures of the world.

Keywords: Slavic linguistic picture of the world, axiological aspect, zoonymous comparative phraseological unit, animalistic comparison, assessment, image-standard.